

Последний разговор.

Константин Труевцев – о времени и о себе

2 января 2023 г. ушел из жизни Константин Михайлович Труевцев. Известный арабист и активный участник политических событий 1990-х годов, в последние годы он стал не только моим коллегой, но и хорошим другом, одним из учителей.

Незадолго перед кончиной, когда ноги его уже отказали, но боли еще не были нестерпимыми, мы придумали с ним своеобразное развлечение – я приезжал к нему, включал диктофон и он рассказывал все, что хотел – о своей жизни, о востоковедении, о времени.

Первая такая запись продлилась почти полтора часа, вторая – час десять и третья – всего двадцать минут: сил больше не было.

Меньше, чем через неделю после этого, он умер.

Первая часть его рассказа едва ли будет интересна кому-то, кроме арабистов – речь в ней идет, главным образом, о выборе профессионального пути, о студенчестве и первых командировках в Йемен и Кувейт.

Вторая же и третья почти полностью посвящены 1990-ым – думаю, она представляет собой далеко не только мемориальную ценность, но и является важным свидетельством очевидца тех бурных лет. Ее любезно согласилась опубликовать на своем портале редакция журнала «Россия в глобальной политике».

Здесь мы публикуем весь рассказ целиком, по необходимости сопровождая его разъяснениями в сносках.

Руководитель Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН В.А. Кузнецов

В.А. Кузнецов: Почему вы стали арабистом?

К.М. Труевцев: Это довольно забавная история. Во время фестиваля 1957 года я познакомился с иракской делегацией. Ну и там, конечно, была романтическая история — была девушка, которую почему-то звали мужским именем Салям, не знаю, партийная кличка или что... Она была из Басры, и в общем у нас с ней был такой своего рода роман.

В.А. Кузнецов: А сколько вам лет тогда было?

К.М. Труевцев: Мне 14 лет было тогда.

В.А. Кузнецов: Вы там волонтером были?

К.М. Труевцев: Я сам пришел тренировать свой английский язык и познакомился с этой девушкой, а через нее — со всей делегацией, довольно симпатичной, надо сказать. Конечно, в подавляющем большинстве это были мужчины и почти все — члены компартии. На меня произвело впечатление, что один из них сказал: «У нас через год будет революция». И вот ровно через год, день в день после того, как он это сказал, произошла революция 1958 г. в Ираке¹. Сами понимаете, на молодого человека это производило впечатление. Потом у меня очень много было друзей среди иракских журналистов, которые здесь работали, поэтому Ирак меня в этом отношении подстегивал. Более того, еще будучи студентом (а у меня семья была и надо было как-то подработать) я подрабатывал переводчиком то с арабским, то с английским, с разными делегациями. С арабским опять-таки в основном были иракцы. Хотя у меня был очень любопытный перерыв в 1964 году, когда мне предложили по системе профтехобразования поехать в город Донецк, и я там около года работал

¹ По имеющимся данным Иракская компартия готовила революцию на 1959 г., однако приход к власти К. Касема в 1958 г. не позволил этим планам осуществиться.

переводчиком с йеменцами на заводах. Поэтому я знаю весь Донецк, как свои пять пальцев, я, что называется, помню каждую пядь города. Ну, я там подружился с местной элитой, даже приобщился к городскому клубу джаза — вообще там сильный был этот клуб, потом у них и джазовые фестивали устраивались в позднесоветское и постсоветское время. Да, так вот. А потом, после этого, в основном снова были иракцы.

Когда я только окончил университет были разные распределения. Я попросил, чтобы мне дали открытый диплом, потому что у меня была договоренность с министерством здравоохранения, что я поеду переводчиком в Йемен. И я поехал переводчиком в Йемен в 1967 году и попал, как кур в ощиц, сразу в эпицентр гражданской войны в Санае. Я приехал из больницы в гостиницу в самом центре города. Таня (*жена К.М. – В.К*) говорит — ты скажи, чтоб они прекратили катать железные шарики на крыше. Я говорю: «Какие шарики? Там всюду стреляют!». И я ее стал быстро вытаскивать оттуда, рванули, все в «Москвич» побросали, она смотрит вокруг, и представляете – едет навстречу грузовик, как ежик — во все стороны торчат винтовки и палят, не разбирая куда. И она так раскрыла рот, я ее прямо за шиворот и давай быстрее... И вот так мы уехали из эпицентра этой бойни в Йемене, и дальше все время были в блокаде.

В.А. Кузнецов: А куда вы уехали?

К.М. Труевцев: Самой последней машиной из посольства мы уехали на аэродром и улетели в Ходейду, а наши жены улетели в Таиз. Один впал в панику, плюнул на свою жену, бросил ее и уехал в Советский Союз. Так что, двое мужей и трое жен осталось. Там полно таких вот любопытных историй.

Короче говоря. Оказывается, я себя зарекомендовал — не было дипломатов, и я охрану расставлял вокруг посольства в Санае. Некому было другому. Приехали из министерства обороны и спрашивают: «Сколько военных нужно?» Я говорю: «Давайте 6 человек, по 2 человека у каждой дырки – там три дырки было». Поставили их. Через час они приходят и спрашивают: «А где постель?». Я

говорю: «Какая постель? Ты же охранять сюда пришел!». А солдат мне: «Нет, нужна постель, где же мне спать?». Вот такая охрана, так йеменцы охраняли.

В.А. Кузнецов: Так, уточним – это вот в Сане было?

К.М. Труевцев: Да, там, это еще до эвакуации было. А потом, когда я уже садился в самолет, входит человек из посольства, показывает на меня пальцем и говорит: «**А вас я попрошу остаться**». Меня оставили, я еще месяц дежурил в посольстве как знающий арабский язык.

В.А. Кузнецов: А вы переводчиком были?

К.М. Труевцев: Да, в Минздраве.

В.А. Кузнецов: Давайте вернемся к вашему детству. Вам было 14 лет, вы учили английский. В спецшколе, верно?

К.М. Труевцев: Да.

В.А. Кузнецов: А родители кем были?

К.М. Труевцев: Мама была главным инспектором при министре просвещения РСФСР. Союзного министерства тогда не было, только республиканские. Эта должность приравнивалась к заместителю министра. Так что это была высокая должность. Жили мы на ул. Краснобогатырской, тогдашней Большой Богородской, вокруг была криминогенная обстановка, я подружился с ребятами, что называется, оторви и брось. Короче говоря, маме потом сказали: «Ну-ка давай переводи сына в английскую школу в Сокольники» – первую английскую спецшколу, где в одном классе со мной учился, например, Толя Судоплатов, сын того самого Судоплатова. Мы с ним в школе очень дружили,

поскольку я очень интересовался историей, а у него, представьте себе, были стенографические отчеты всех съездов партии. И я, представьте себе, по возможности, будучи у них дома, я все их прочел. Так что я знал историю компартии по источникам, а не по кратким курсам и всей этой белиберде. А вот полный отчет – когда XIV съезд – съезд победителей, а потом всех схарчили к чертовой матери.

В.А. Кузнецов: Так вот, у вас был роман с этой иракской девочкой... Вы потом виделись, кстати?

К.М. Труевцев: Никогда. Правда, она мне написала письмо с дороги, но куда я ей мог ответить? Саям Мусафир со своими возможностями пытался ее разыскать, но не получилось. Правда, он нашел пару человек, которые принимали участие в фестивале от Ирака. Мы выступали в прямом эфире, я с ними контактировал, с этими парнями.

В.А. Кузнецов: А затем вы поступили в ИСАА?

К.М. Труевцев: Да. Это было в 1960 году ровно. Я изначально поступал в МГИМО, но меня туда не взяли, там какую-то ерунду придумали, мне снизили оценку, я недобрал буквально 1 балл.

В.А. Кузнецов: А почему?

К.М. Труевцев: Придумали что-то, вроде по географии. Хотя я и географию, и историю знал на отлично, вообще. Как Вы можете видеть, у меня и с географией, и с историей все хорошо. А тогда было не хуже – знал все страны, где что находится. У нас был предмет на английском языке «Экономическая география зарубежных стран», где мы изучали промышленность, сельское хозяйство, то-се

абсолютно всех стран, и преподаватель был блестящий, который до того, как у нас преподавать, служил в американских ВВС в Западной Германии.

В.А. Кузнецов: Кто еще был в вашей группе?

К.М. Труевцев: В моей группе был Максим Киктев², был Сухин³, который потом стал послом в Судане и так далее, был Костя Волков — известный переводчик с арабского, долгое время работал в издательстве «Прогресс». У нас еще была талантливая девочка Марина Козина, мы с ней дружили одно время, а потом вместе в Институте общественных наук оказались. У нее блестящая была диссертация по арабской философии, но она по принципу «лучшее — враг хорошего» — все улучшала, и так и не защитила. Хотя я считаю, она была одним из лучших знатоков арабской философии, какие у нас вообще когда-либо существовали. Вот. Еще мы с Максом очень дружили с Мариной Демьяновской, которая потом стала Мариной Рыбаковой. Она потом вышла замуж за Роста Рыбакова⁴, а мы с ним были близкими приятелями, мы оба тогда были диссидентами — это он под конец жизни этаким бурбоном стал важным, а тут веселый был, как он над Хрущевым издевался... Часто с ним бегали кофе пить куда-то вместе и вообще... Потом я даже был свидетелем на их свадьбе, дома у них часто бывал... Там вообще много интересных людей было. Академик Рыбаков, например — тоже такой бурбонистый был, строгий, говорил басом. Но при этом, это была нормальная академическая семья, очень интересная, с прелестной, очень милой мамой. Мы все друг друга знали, например, дружили со Славой Бэлза⁵, он со мной еще в школе учился, а потом стал блестящим

² М.С. Киктев (1943–2005) — к.ф.н., известный специалист по средневековой арабской поэзии, творчеству Мутанабби, автор ряда работ, посвященных творчеству В. Хлебникова.

³ В.Я. Сухин (1941–2004) — дипломат, посол СССР, затем России в Судане (1987-1992), посол России в Мавритании (1998–2003).

⁴ Р.Б. Рыбаков (1938–2019) — д.и.н., директор Института востоковедения РАН 1994-2009.

⁵ Святослав Бэлза (1942–2014) — советский и российский музыковед, литературовед, музыкальный и литературный критик, публицист, телеведущий, музыкальный обозреватель телеканала «Культура». Народный артист Российской Федерации (2006).

комментатором классической музыки, с Лешей Симоновым⁶... **У нас было много выдающихся людей, или детей выдающихся родителей.**

Когда я поступил, я набрал 23 балла из 25. Это был топ практически. Выше меня набрали только два мальчика. У девочек был немного другой конкурс. И тогда деканом у нас был специалист по Индии⁷. По-моему, он был связан со спецслужбами, и он хотел, чтобы я пошел в индийскую группу, потому что у меня был отличный английский. Но я четко выбрал арабский — говорю: «Или арабский, или я ухожу». Так я и оказался в арабской группе. На физкультуре меня поставили бегать сначала 800, потом 1500 метров, потому что в соревнованиях за университет я прибежал вторым. Я пошел к врачу — и у меня обнаружили туберкулез. Из-за этого меня вызвал Ковалев⁸, этот либерал, и стал меня чихвостить по первое число: «Вы всех обманули, вы скрыли, что больны, когда поступали!». А как я мог вообще знать, что я болен, если я вообще собирался выступать за сборную МГУ, бегать дистанции? Короче говоря, на меня разозлились, и у меня начались проблемы, я оказался изгоем среди нашей группы. А тут еще возьми да и обнаружься мой отец, который вышел из заключения

В.А. Кузнецов: А по какой статье он сидел?

К.М. Труевцев: Он был зам. главного редактора журнала «Огонек», печатал Заболоцкого и Пастернака, а с Пастернаком они просто дружили. Поскольку главный редактор был Сурков и приближенный был Симонов, они решили все эти дела скинуть на отца и повесить на него растрату. Таким образом, отец сел и вышел только в 1957 г. В заключении он был бригадиром на строительстве Сталинградской ГЭС, вышел оттуда с волчьим билетом и так с ним до конца жизни и остался, жил литературной записью — писал за известных людей.

⁶ А.К. Симонов (р.1939 г.) — сын поэта К. Симонова, советский и российский кинорежиссер, писатель, переводчик, правозащитник, журналист, педагог. С 1991 года президент Фонда защиты гласности.

⁷ А.А. Тихонов (1923–1990) — заведующий кафедрой индийской филологии (1964–1985), декан историко-филологического факультета (1962–1965) Института восточных языков/Института стран Азии и Африки.

⁸ А.А. Ковалев (1923–2000) — ректор Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (1957–1972) и директор Института стран Азии и Африки (1972–1975), заведующий кафедрой арабской филологии в 1957–1982 гг.

Например, слышали ли вы про Улесова? Он был главой строительства Асуанской плотины. А до работал на той же стройке, что мой отец⁹.

Я тоже приобщился к литературному труду еще с детских лет, потому что мама у меня в последние годы своей жизни была главным редактором редакции биологии в Учпедгизе. Она мне давала на просмотр всякие книги по биологии, я читал их в большом количестве и вообще собирался поступать на биофак МГУ. Знаний в этой сфере у меня было много, я до 9 класса серьезно этим увлекался, ходил в кружок Московского зоопарка — это все по-серьезному было. А потом к концу 9 класса я переориентировался на другой профиль. Когда появился отец, он тоже давал мне редактировать тексты. В это время мой очень близкий друг, одноклассник, Леопольд Модестович Белоусов — он был индологом — стал правой рукой Дрейера¹⁰ в издательстве «Восточная литература». И поэтому, начиная с четвертого курса, днем я работал переводчиком с арабами, индийцами и прочими (даже один раз — со шведским врачом-сексологом), а вечером он мне давал на редактуру большое количество восточной литературы — от научной до, например, коротких рассказов иранских писателей. Потом оказалось каким-то образом, что друг моей тети Гали был одним из главарей в издательстве «Художественная литература». Он мне дал на перевод рассказы суданских писателей. Вот такие у меня были разнообразные замашки и интересы. Так это продолжалось до 1967 г., когда мы, что называется «шапку в охапку» и поехали в Йемен.

Так получилось, что я учился аж семь лет. Во-первых, само обучение у нас длилось шесть лет, во-вторых, я был в академическом отпуске, когда ездил в Донецк.

В.А. Кузнецов: А из учителей кто-то вспоминается?

⁹ А.А. Улесов (1916–1997) — новатор советского производства, рабочий-электросварщик. Дважды Герой Социалистического Труда (1952, 1958).

¹⁰ О.К. Дрейер (1919–1997) — в 1957–1992 гг. возглавлял Издательство восточной литературы, с 1964 г. преобразованное в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука».

К.М. Труевцев: Я у всех учился — и у Габучана¹¹, и у Норы¹², и у Белкина¹³. Он был смешной, не помню, как его звали. Он нам давал разбирать арабские почерки, которые собирал на выставках. И тут так получилось — все сбежали с этого занятия, я один остался, и мы с ним полтора часа разбирали почерки. Знали бы вы знали, как мне в жизни это пригодилось. Потом, в Йемене, я вел файлы на арабском, а в Кувейте на английском — клинические конференции, а отчеты для полиции вместе с медбратьями, палестинцем и ливанцем, мы писали на арабском. То есть это была колоссальная двухлетняя практика. Когда мы эвакуировались из Йемена, прошло около месяца, и меня в минздраве спросили: «Хотите снова поехать в Йемен?». Я ответил: «Если пошлете, поеду, а что, есть какие-то альтернативы?». Мне сказали: «Вообще-то есть. Можно поехать в Кувейт». Я говорю: «Вообще-то Кувейт — это интересно». А сотрудник мне: «Вы просто откажитесь». «А мне ничего за это не будет, не подумают, что я испугался? Вообще-то я ничего не боюсь» — ответил я — «**Надо будет, я поеду**». «Нет, откажитесь от Йемена и поедете в Кувейт». И на следующий год мы поехали в Кувейт и год там проработали.

В.А. Кузнецов: А в Йемене сколько вы провели времени?

К.М. Труевцев: Три месяца в Северном Йемене.

В.А. Кузнецов: А вы были уже с Татьяной Алексеевной? Когда вы поженились?

К.М. Труевцев: Еще студентами. Дочка у нас родилась в 1965 г., а поездка была в 1967 г. Дочку мы оставили с моей мамой.

¹¹ Г.М. Габучан (1926–2004) — д.ф.н., в 1983–2003 гг. заведующий кафедрой арабской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹² Имеется в виду Элеонора Порфирьевна Бобылева, легендарный преподаватель арабского, переводчик-синхронист.

¹³ В.М. Белкин (1923–2000) — арабист-филолог, в будущем — профессор ИСАА.

А когда я поехал в Кувейт, мы работали в госпитале, где кроме нас были одни египтяне, только один врач — иракец. Причем его отец был министром в правительстве Нури Саида. То есть этот врач не был просоветски настроен. Но он сказал: «Эти египтяне, которые здесь — сволочи из сволочей. Все они, говорит, “Братья-мусульмане”¹⁴, они повязаны своей клятвой, и готовы выжить любого, кто не египтянин. Я вам советую быть с ними крайне осторожными». А врач был очень талантливый, он даже вытягивал ноги по методу Илизарова, что тогда было удивительно. Так эти египтяне потом подкручивали эти аппараты, когда он не видел. У меня и сосед был египтянин, интеллигент, но он не был из «Братьев-мусульман», и он меня тоже предупреждал насчет этих докторов. С тех пор у меня к «Братьям-мусульманам» развилось определенное предубеждение.

В.А. Кузнецов: А какое впечатление тогда производил Кувейт?

К.М. Труевцев: Наши называли его «универмаг в пустыне». Когда женщина куда-то отправлялась, она говорила: «Я пошла по сучьим делам» — значит, на сук, на рынок. Центральная улица выглядела так — представьте себе Эмираты. По тогдашним временам это был Кувейт — витрина всего арабского мира. Главная улица сияла огнями, мода была — что в Париже в сезон, то и в Кувейте. Мы подружился с замминистра здравоохранения Барджисом Барджисом, который потом стал директором агентства KUNA (Кувейтского агентства новостей). Довольно симпатичный человек, хоть и охотник до женщин. Ну да Бог с ним. После меня на это место приехали Гриша Косач с Лелей Мелкумян, они там пробыли года два или три, а мы — всего год, по целому ряду причин. Во-первых, там черт знает что делалось с коррупцией и не очень хотелось во все это влезать.

В.А. Кузнецов: В советской среде?

¹⁴ Организация, деятельность которой запрещена в РФ (*прим. ред.*).

К.М. Труевцев: Да, в том числе, среди наших, которые работали по разным направлениям. Все себе что-нибудь урывали. Еще в Донецке я столкнулся с тем, что воспитатель под видом йеменцев упер электромотор с завода и вез в машине.

В.А. Кузнецов: Какой воспитатель?

К.М. Труевцев: У них был руководитель группы от Украины и воспитатель, который их воспитывал, проводил политпросвещение. Потом, когда арабы начали бунтовать, на нас вышли КГБисты. Меня пригласили в городской отдел КГБ и сказали: «Слушай, мы вообще думали, что ты француз, ты на русского не похож, и за тобой следили чуть ли не полгода». Я говорю: «Вам что, трудно было разобраться, кто есть кто?!».

Так, возвращаюсь к Кувейту. Мы прожили там год, и я возвратился в Советский Союз в апреле 1969 г. и сразу пошел в Институт востоковедения, где руководителем кадров был Кошкин. Этот Кошкин стал тень на плетень наводить: «Оставь анкету, может, мы тебя возьмем», и я оставил анкету. Ждал, ждал и ничего. Потом я шел по улице и встретил свою бывшую преподавательницу, Аллу Городетскую. Она очень смешная была — придумала свое слово, чтобы по-арабски сказать «курдючный баран» – «*харуф мутатайиз*». Она была поэтессой. Она мне предложила прийти на работу в АПН редактором арабского текста. Я к ним пришел и два месяца там проработал. Там было много смешных вещей. Например, вдруг приносят мне обложку брошюры «Сельское хозяйство СССР». На титуле и даже на главной странице обложки нарисована свинья. Я им говорю: «У вас как с головой, совсем крыша поехала? Зачем вы арабам книгу со свиньей закидываете?». Городетская велела немедленно поправить — и они поправили. Переделали свинью в слона. То есть, АПН была нескучной организацией.

В.А. Кузнецов: А сколько вы там проработали?

К.М. Труевцев: В сентябре я встретился с Юрием Кирсановым, с которым я учился в одном классе. Он стал индологом. Он сказал: «Слушай, а чего ты занимаешься Бог знает чем?» Я говорю: «Как это? Арабским текстом занимаюсь». Он: «А ты в творческую редакцию не хочешь пойти?». Я согласился конечно. Он взял меня за руку, привел туда и сказал: «Вот вам готовый журналист». А у меня к тому времени был стаж и в «Комсомольской правде» и т. д.

В.А. Кузнецов: Еще студентом там работали?

К.М. Труевцев: Да, немного, по мелочи подвизался. Они меня взяли, коллектив там был великолепный, все как на подбор. Например, Саша Смирнов, он был карел, с точки зрения знания языка это был высочайший уровень, уровень Посувалюка. Он тоже начинал в Йемене вместе с Виктором Посувалюком¹⁵. И таких людей было большинство, например, Константин Максимов, он до сих пор там работает, много лет был заведующим информцентром в Бейруте.

Я туда пришел осенью 1969 г., а осенью 1973 г. ушел в Институт общественных наук при ЦК КПСС. Т.е. в АПН я проработал четыре года.

Кстати, вообще в АПН все знали, кто есть кто, кто на какую структуру работает. Когда я пришел, я очень хотел заниматься Южным Йеменом. Один из местных алкоголиков, Эдуард Давыдов, сказал: «Пойдем выпьем, я тебе все расскажу. Послушай, это место забито за “дальними соседями” — ГРУ. Поэтому, сколько бы ты туда не рвался, хоть всю жизнь рвись, тебя туда не возьмут, успокойся». Но все равно я сидел на Южном Йемене и на Палестине. За годы работы в АПН у меня накопилось значительное количество материала и по той, и по другой стране. А потом я вышел через Саляма Мусафира и других на «Харака аль-каумийин аль-араб» (*Движение арабских националистов* — В. Кузнецов) и ухватился за это. Я был единственный, кто этим занимался. Ведь тогда господствовала идея, что вся арабская националистическая идеология исходит из ислама, из Корана. А когда я стал изучать эту тему, первой книжкой,

¹⁵ В.В. Посувалюк (1940–1999) — к.и.н., посол, заместитель министра иностранных дел РФ (1994–1999).

которую я прочел, была книга Наджиба аз-Зури 1905 г. и там было сказано прямо буквально следующее: *«Хунака умма 'арабийя мута'аллифа мин ал-'араб ал-муслимин ва-л-масихийин ва кулла машакиль фима бейнахум фа-хийя ната'идж ли-та'сир ал-'адвухум»* (Существует арабская умма, состоящая из арабов мусульман и христиан, и все проблемы, существующие между ними, — это результат влияния их врагов). Из этого было видно, что уже при появлении арабского национализма эта идеология возникла как анти-исламская, в том смысле, что у них была «умма арабийя», а не «умма исламийя». Первый, кто стал употреблять это после Второй мировой войны — Жорж Хабаш, но применительно уже к арабским националистам, и т. д. Т.е. буквально все идеологические положения, связанные с исламом, они перестраивали под арабский национализм. Потом мне наконец достали довольно сложную книгу Сати аль-Хусри *«Ма хийя аль-каумиия?»* («Что такое национализм?»), я ее с удовольствием прочел. Потом моя однокашница, Татьяна Тихонова — знаете, кто она? Ее отец Сатюков¹⁶ был главным редактором газеты «Правда». Она написала замечательную книгу¹⁷, я ее прочел и говорил ей много комплиментов по этому поводу.

В 1974 г. я поступил в аспирантуру и при этом меня заставили буквально через неделю начать преподавать философию на арабском языке.

В.А. Кузнецов: А кто был вашим научным руководителем?

К.М. Труевцев: Замечательный человек, Юрий Александрович Замошкин¹⁸, он же был руководителем у А.Ю. Мельвиля¹⁹. Жена его — Нелли Мотрошилова²⁰, известный философ.

¹⁶ П.А. Сатюков (1911–1976) — советский журналист и партийный деятель, главный редактор газеты «Правда» (1956–1964).

¹⁷ Имеется в виду: Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусари. М., Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1984.

¹⁸ Ю.А. Замошкин (1927–1993) — советский и российский социолог, специалист в области социальной философии, история социологии.

¹⁹ А.Ю. Мельвиль — политолог, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

²⁰ Н.В. Мотрошилова (1934–2021) — советский и российский философ, специалист по западноевропейской философии Нового времени и XX века.

Вторым оппонентом у меня была Евгения Антоновна Фролова²¹, жена Эриха Соловьева²². Защищался я в Академии общественных наук, потому что мне всегда везло — у нас в институте закрылся ученый совет кафедры, и поэтому мне пришлось перебазироваться в академию, на это у меня ушло полгода.

В.А. Кузнецов: А Институт и Академия общественных наук — это были разные вещи?

К.М. Труевцев: Абсолютно. Академия общественных наук была создана для внутрипартийной сети. Правда, потом там стали приглашать иностранцев. А у Института было второе название «Международная ленинская школа». На его месте сейчас Финансовая академия. Он был создан еще в 1920^{-е} гг., сначала это был Институт красной профессуры, потом Институт Востока. Там, например, учились Хо Ши Мин, Цзян Цзинго. Почему я заинтересовался его биографией? Я раскопал (тогда никто этого не знал), что он был взят на воспитание в семью Марии Ульяновой, сестры Ленина. Фамилия ее мужа была Елизаров, и поэтому в СССР Цзян Цзинго дали имя Николай Елизаров, сделали его членом ВКП (б), и он там долгое время работал, хотя был родным сыном Чан Кайши.

В.А. Кузнецов: Надо же! Итак, вы пишете диссертацию, это какой год?

К.М. Труевцев: Защитил я ее в 1977 г., а начал в 1973 г.

В.А. Кузнецов: Четыре года писали? А жили на аспирантскую стипендию?

К.М. Труевцев: Так аспирантская стипендия была огромная, 200 рублей. Плюс к тому я зарабатывал на преподавании. И поэтому я получал не меньше 300

²¹Е.А. Фролова — философ-арабист, в.н.с. Института философии РАН

²²Э.Ю. Соловьев — советский и российский философ, г.н.с. Института философии РАН.

рублей в месяц. Скажите это моей жене — она скажет, что это все вранье, и никогда и близко ничего такого не было.

В.А. Кузнецов: А почему вы вообще решили писать диссертацию, а не поехать, например, в арабские страны?

К.М. Труевцев: Это был выбор. Я на улице встретил своего друга, с которым у меня вся жизнь прошла, Женю Новикова. Мы с ним еще в МГИМО поступали вместе. Он говорит: «Мой научный руководитель Замушкин ищет себе хорошего аспиранта». Я говорю: «А я тут причем?» Он объяснил: «Ему нужен такой, как ты. Он сказал — дайте мне интеллигентного человека, а философа я из него сделаю». Я прихожу в АПН и говорю: «Я хочу перейти на другую работу». Меня вызвал секретарь парткома АПН, который раньше был секретарем парткома НКВД при Берии, и начал мне говорить: «Что, за большими деньгами погнался?». Я говорю: «Вы мне на выбор предложили Иорданию либо Ирак, где платят действительно большие деньги, прямо кэш, а я ухожу бедствовать в аспирантуру на три года, вы вообще о чем?». Они меня на год затормозили, руки выкручивали, но потом отпустили в Институт общественных наук. Вот так складывалась жизнь.

Представьте себе, у меня был тьютор — Эдик Баталов²³, который был другом Замошкина, блестящий ум, до сих пор остается замечательным специалистом по новым левым на Западе. Перед каждым занятием я готовил лекцию и читал ее ему все полтора часа, естественно, по-русски — он не знал арабского. А потом я все это переводил на арабский, потому что все учебники и прочая литература, которая была здесь на арабском языке, никуда не годилась, типичная халтура. И вот первые три года у меня ушли на отработку лекционного курса — весь диамат и весь истмат, который я сделал идеально. Хотя я диамат терпеть не мог, а вот в

²³ Э.Я. Баталов (1935–2018) — советский и российский ученый-американист, специалист в области политической философии, с 2000 г. г.н.с. ИСК РАН.

истмате были заложены многие основы современной политической науки, я это готов доказать. Так что еще было делать?

В.А. Кузнецов: А кому вы это все читали?

К.М. Труевцев: Я читал, во-первых, северным йеменцам, во-вторых, через полгода приехал Хаватме²⁴ и я попросился к ним поработать — Дзасохов²⁵ с удовольствием меня отправил. При визите Хаватме заключался договор об отправке студентов, в основном все ЦК Демократического фронта прошло через меня. Потом и народники²⁶ пошли по их стопам, и даже Генеральное командование²⁷.

В.А. Кузнецов: И в 1977 г. вы наконец защитили диссертацию?

К.М. Труевцев: Да, защитился, и меня познакомили с Абдаллой аль-Хаамири. Это был член политбюро Йеменской социалистической партии, один из ближайших соратников Абдельфаттаха Исмаила²⁸, тоже очень умный, начитанный. Мы с ним посидели один вечер, и я ему сказал: «Я сейчас уезжаю в Южный Йемен». Он говорит: «Вот ты и будешь нашим связным с ЦК КПСС».

В.А. Кузнецов: А по какой линии вы ездили?

²⁴ Наиф Хаватме — палестинский политический деятель, с 1969 г. генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины.

²⁵ А.С. Дзасохов — политический деятель, дипломат. В 1967–1986 гг. — первый секретарь, затем — заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Затем: чрезвычайный и полномочный посол СССР в Сирии (1986–1989), первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС (1988–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991), депутат Верховного Совета СССР, председатель комитета по международным делам, член Президиума Верховного Совета СССР (1989–1991), депутат Государственной думы I–II созывов (1993–1998), президент Республики Северная Осетия — Алания (1998–2005), член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации — представитель от исполнительной власти Республики Северная Осетия – Алания (2005–2010).

²⁶ Члены Народного фронта освобождения Палестины.

²⁷ Члены Народного фронта освобождения Палестины – Генерального командования.

²⁸ Абдельфаттах Исмаил (1939–1986) — южнотийеменский политический и государственный деятель, председатель Президиума Верховного Народного Совета, глава НДРЙ, основатель, главный идеолог и первый руководитель Йеменской Социалистической Партии с 21 декабря 1978 до 20 апреля 1980 г.

К.М. Труевцев: Преподавать философию в Партийной школе.

В.А. Кузнецов: Это Дзасохов отправлял или кто?

К.М. Труевцев: Это международный отдел ЦК КПСС. Работал я в Адене, с одной стороны, преподавал философию, с другой — будучи связкой, у меня не было вечера, чтобы я не встречался с кем-нибудь из руководства. Но там шла междоусобная борьба. Все, что я писал, было топ. Мне просто было интересно. Понимаете, я плевать хотел на все «Табели о рангах», хоть мне потом и подарили за некоторые эти тексты фамильные часы.

В.А. Кузнецов: А что собой представляла эта йеменская Партийная школа?

К.М. Труевцев: Школа была построена по принципу нашего Института общественных наук. Такой же институт подготовки партийных кадров Востока, со всеми прибабасами, какие там нужны, начиная с философии (я был заведующим кафедры философии из двух человек, помимо меня там работал один военный, полковник).

В.А. Кузнецов: Т.е. преподавательский состав полностью комплектовался из Советского Союза?

К.М. Труевцев: Да, еще там было немного немцев из ГДР. Но в основном да. Была такая договоренность — СССР ставил им армию, помимо партийного образования, кубинцы делали милицию, а ГДР делали госбезопасность. Но это не означало, что нам было нельзя общаться с местной госбезопасностью. Председатель местного КГБ потом учился у меня в Москве. Я вам уже рассказывал, что ко мне как-то вечером пришел офицер оттуда и сказал: «Ты аккуратнее общайся с людьми, ты вот кое с кем встречался...». Я отвечаю: «Так

он же пламенный марксист!»». А он, как оказалось, написал на меня донос в йеменское КГБ, который попал на стол моему студенту.

В.А. Кузнецов: Советская община большая была?

К.М. Труевцев: Большая, много командировочных. Там еще и плотину строили, и моряки были, и Горшков создавал военную базу, в том числе и в Адене. Был такой забавный случай — немцы устроили круиз для пенсионеров по акватории Красного моря, Аденского залива. А они были уверены, что где-то встретят советскую подводную лодку, и любое судно за нее принимали. А потом приплыли в Аден — и там стоят те самые подлодки. Они были в ужасе, испугались выходить на берег.

В.А. Кузнецов: У вас много йеменских друзей появилось с тех пор?

К.М. Труевцев: Конечно. Я дружил практически со всем Политбюро. Представьте себе — после 1986 г., когда Али Насер²⁹ устроил там бойню, на следующий год я туда приехал по линии общества «Знание» читать лекции. Мне позвонили из Политбюро и говорят: «Ты приехал сюда читать лекции, а почему нам ничего не сказал?». Я сказал: «С удовольствием встречусь». И они решили завтра же все прийти. **Все Политбюро в полном составе пришло ко мне на лекцию.**

В.А. Кузнецов: И сколько вы там проработали? Вы туда приехали в 1977 г.?

К.М. Труевцев: Да, и в 1980 г. я оттуда уехал. То есть три года. И у этой истории было интересное продолжение. 16 августа 1991 г., за два дня до ГКЧП. Я об этом, разумеется, не знал, но подозревал. Звонит мне мой друг, начальник

²⁹ Али Насер Мухаммед — южноийеменский политический и государственный деятель, премьер-министр (1971–1985), Председатель Президентского Совета (1978), Председатель Президиума Верховного Народного Совета (1980–1986). В 1986 г. в ходе попытки государственного переворота расстрелял Политбюро ЙСП.

протокола МИД — сначала южнойеменского, потом общего и говорит: «Я тебя хочу пригласить в Лондон». Я ответил: «Абдельазиз, это здорово, я в Лондоне никогда не был, с удовольствием погуляю». «Оформляйся и приезжай» — сказал он. Он встретил меня в аэропорту, повез в гостиницу Hilton на Парк-Лэйне — одну из самых крутых в центре города. «А теперь готовься,» — сказал Абдельазиз. «Завтра у тебя будет встреча с Бейдом³⁰». Он уже был вице-президентом объединенного Йемена. Он приехал туда на лечение в больницу, и как оказалось, это он меня вызвал в Британию. Прибыл я уже 17 августа. Он мне сказал: «Мы с вами вместе строили социализм, так давайте теперь хоть капитализм вместе строить. Что нам делать, на кого ориентироваться?». Я ответил: «Не могу тебе по дням сказать, когда СССР распадется, но однозначно в самое ближайшее время, и ты можешь делать ставки только на Россию». А утром 18 августа я уже приехал в Москву, а на следующий день все началось.

В.А. Кузнецов: Давайте немного откатимся назад. Три года вы проработали в Адене, вернулись в Москву, и что было дальше?

К.М. Труевцев: Я стал искать работу, потому что я почувствовал, что дальше не вижу роста в Институте общественных наук. В это время мне позвонил Алексей Васильев³¹, с которым мы были знакомы еще по Комитету солидарности. Он сказал: «Приходи к нам». Я пришел, он объяснил: «Наш директор, Громыко, ищет человека на должность завсектора арабских стран. Пойдешь?».

В.А. Кузнецов: Это в институте Африки?

К.М. Труевцев: Да. Конечно, я согласился. Он говорит: «Только там будут пертурбации. Сначала тебя возьмут на старшего научного сотрудника, но в течение полугода все утрясется». Так оно и вышло. Через полгода я стал

³⁰ Али Салем аль-Бейд — южнойеменский политический деятель, в 1986–1994 гг. — генеральный секретарь ЦК ЙСП, в 1990–1993 гг. вице-президент Йеменской Республики.

³¹ А.М. Васильев — академик РАН, арабист, африканист, почетный президент Института Африки РАН.

завсектором. Вы не представляете, сколько я тогда зарабатывал. Наступают 1987–88 годы, начинаются академические программы по новым формам сотрудничества между Советским Союзом и странами Востока вообще, а меня еще взяли вести политический семинар у Дзасохова в Комитете солидарности.

Что еще интересного тогда происходило? А, вот.

Когда к власти пришел Горбачев, Дзасохова ввели в Политбюро и посылают его послом в Сирию. Он приехал в Москву и сказал: «Я хочу вас взять к себе советником». Я согласился. Пришел в МИД, а там мои бывшие однокашники, потом они стали послами в разных странах, а тогда работали в отделе кадров. Они сказали: «Ты понимаешь, мы тебя не можем оформить советником, только третьим секретарем». Я отказался и получил ответ: «Как ты можешь так говорить?». **Я объяснил, что никогда и не думал задерживаться в МИД.** У меня появилась дилемма — если это самостоятельная работа советника, я бы согласился. Но третий секретарь — это чисто бумажная работа. Дзасохов приехал в Москву специально за мной и стал уговаривать, обещал, что сделает меня советником буквально через два-три месяца. Я ему открытым текстом сказал: «А вы сами там останетесь через два-три месяца?». И действительно, спустя пару месяцев Горбачев назначил его в Политбюро. Если бы я знал, что там будет мой однокашник по школе Саша Золотов... Но люди тоже меняются со временем...

Еще одна интересная история произошла в 1994 г. Мне вдруг позвонили йеменцы: «Можешь подъехать в Балчуг-Кемпинский?». Я согласился. Они говорят: «У нас делегация во главе с Салемом Салехом Мухаммедом, вторым секретарем ЦК йеменской соцпартии. У нас началась гражданская война, нам срочно нужны танки, самолеты и прочее оружие». Я сказал: «Хорошо, но дайте мне хоть один-два дня». У меня был выход на Сосковца, первого заместителя Черномырдина, который отвечал за военную сферу. Они привезли достаточно денег, могли оплатить наличными. Сосковец сказал, что проблем с этим не будет, завтра им все поставят. На следующий день я с ними встретился, а они говорят, что мы уже опоздали. Я им говорю: «Вы чего, раньше не могли приехать?!». Так или иначе, тогда я понял, что там в акватории как ходило большое количество

кораблей, так и ходит до сих пор, со всеми возможными видами оружия, которые можно поставить в любую страну в любом количестве очень быстро. На этом йеменскую эпопею можно и закончить.

В.А. Кузнецов: Вы всю жизнь работали со сложными текстами?

К.М. Труевцев: Где-то на втором курсе у нас в институте возник такой литературный кружок, который был связан с американскими битниками, в особенности, например, с Аллен Гинзберг — а это сложный поэт, Лоуренсом Ферлингетти — еще более сложным, Джеком Керуаком, которого все знают. Это те три человека, которые определяли облик литературы битников. Наши ребята, главным образом индологи и китаисты, стали переводить с английского эти стихи и писать свои. Например, у нас был Саша Сенкевич³², индолог — блестящий поэт. Тогда его стихотворения пользовались фурором, в том числе в квартире моего отца его читали: «У могилы Пастернака драка, исступленно лезут, как будто на футбол. Любовницы поэзии ломают частокол, торопятся куда-то — молитвы, слезы, мат. А звезды, как кутята, беспомощно шумят». Прекрасные стихи. А еще круче был Юра Сорокин³³, он писал под псевдонимом Глеб Арсеньев. «Карликовая поэма» тогда считалась шедевром из всей непечатной литературы 1960-х гг. «Савеловский вокзал — приземистый, печальный, и книжный перегар за нашими плечами. Медленный, как дилижанс, прикатил на проводы закат, постоял, погрезил, утонул в нефтяных резервуарах ночи, смешной как антилопа гну, рассыпчатый, как торт песочный». Такого уровня поэзия была. Считаю, что ничуть не хуже, чем у Андрюши Вознесенского. Я вам рассказывал, что впервые он появился в квартире моего отца, а отец его порекомендовал Пастернаку, а тот ему уже давал путевку в жизнь.

³² А.Н. Сенкевич — советский и российский индолог, филолог, писатель и литературный переводчик, поэт.

³³ Ю.А. Сорокин (1936–2009) — доктор филологических наук, специалист в области психолингвистики, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. Автор многочисленных публикаций в области психолингвистики, теории перевода, этнопсихолингвистики, переводов китайской поэзии.

В.А. Кузнецов: А как Вознесенский познакомился с вашим отцом?

К.М. Труевцев: Не знаю, к сожалению. Жена моего отца тоже умерла довольно давно, она была в курсе. Моя младшая сестра тоже пыталась писать, она была основным систематизатором у нас в семье, но она тоже умерла в прошлом году.

В.А. Кузнецов: Что касается литературы, что вы читали, когда были студентом? Помимо битников?

К.М. Труевцев: Много всего. Например, из французских писателей мне очень нравился Жан-Мари Леклизио, автор «Протокола». Это писатель поколения Роб-Грийе, но тот известен, а Леклизио не настолько. Это автор моего поколения. Много чего интересного было, читали запоем. Немецкая литература — прежде всего Вольфганг Борхерт, ритмическая проза. Парень этот прожил очень короткую жизнь, после войны в 1948 г. скончался. Он писал короткие рассказы, но его литературное творчество оказало огромное влияние на всех — в том числе на Генриха Белля. Разумеется, их я тоже читал. Из английской литературы — «рассерженные молодые люди», Джон Уэйн, Алан Силлитоу. Прекрасные писатели. У нас было достаточно много всего в этот период.

Потом вдруг появились смогисты³⁴, которых в кружке «Зеленый огонек для таксистов» вел Давид Самойлов. Там был Леня Губанов — он похож на Чарли Паркера, американского джазмена. «Ночь в Тунисе» помните? Сначала эта музыка была медленной, а потом, вместе с Диззи Гиллеспи, в бешеном темпе игралась. Гиллеспи говорил: «Мы это написали на дне мусорного бака». Как они там сидели с саксофоном и трубой — трудно представить. Они же были из Калифорнии... Так вот, конец всех произведений Чарли Паркера, а они в основном довольно короткие, обрывается на середине фразы. У Лени Губанова была примерно такая же поэзия. «Оставляет меня одиноким пальто, забирая всю

³⁴ Члены литературного объединения СМОГ.

мелочь, которая не в чем». Почему не в чем? Ну, неважно, но это стихи! Потом Володя Алейников: «Когда в провинции болеют тополя, и свет погас, и форточку закрыли³⁵ ...». А третьим у них был Юрий Кублановский, который сейчас наиболее известен, он печатался в «Новом мире». И мы тоже с ними подружились, вместе ходили на мероприятия. **Я разрабатывал ритмическую прозу, у меня была целая школа из пяти человек**, которые писали ритмическую прозу в разных вариантах и даже издавали что-то вроде подпольных журналов. Марк Янкелевич, который к сожалению погиб, Николай Боков, который был племянником поэта Виктора Бокова, потом уехал в Париж и стал там издавать журнал «Континент»... Вот так...

Поэтому где-то к концу обучения я думал бросить востоковедение и пойти в литературу, в поэзию. Так оно и намечалось до тех пор, пока у меня не случилась поездка в Йемен, потом в Кувейт, и меня захлестнул Ближний Восток. Главное, что меня захлестнуло — Пражская весна 1968 г. Ближайшие наши друзья в Кувейте были чехи — врачи, медсестры. И когда началось это безобразие, наша подруга Нива уехала в Прагу как раз во время всех событий — это же был август, летние отпуски. Когда она вернулась, то не хотела больше со мной разговаривать. Я спросил: «Почему так?». Она сказала: «Вы — оккупанты». «А ты не думала, что не все русские разделяют удовольствие от оккупации?» — говорю я. Она ответила: «Надо же!» и тут же написала своему мужу. Я сказал: «Ты что, задала себе целью испортить мою карьеру?». «А что такого?». «Ну как же, ты в письме такие вещи пишешь... У вас что, письма не проверяют?». Она ответила: «У нас даже в самые плохие годы никогда до такой гадости не доходило». И действительно, это никак не повлияло на мою карьеру. Но время было удивительное. Наш посол в Кувейте Бодров³⁶ до этого был советским послом в Израиле. И в 1967 г., когда случился разрыв отношений, его сразу послали в Кувейт. У него были воспоминания обо всем этом. Он относился к оккупации Чехословакии как к полному идиотизму. Что интересно, резидент КГБ тоже

³⁵ В оригинале — открыли.

³⁶ М.Ф. Бодров (1903–1988) — советский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Болгарии (1948–1954), Израиле (1958–1964), Кувейте (1966–1970).

придерживался той же точки зрения и ее не скрывал. Можете себе представить? Единственные, кто радовался — военные, с их точки зрения это была блестящая операция.

С этим делом я приехал в Москву, и подумал-подумал, почесал репу и понял, что для того, чтобы происходили изменения в стране, надо вступать в партию и делать карьеру по партийной линии. Так и началась моя современная биография. Когда я пошел работать в АПН, меня через год сделали заместителем секретаря комитета комсомола по идеологии, потом хотели сделать главным, но я отказался, мне уже исполнилось 30 лет. Ушел оттуда, а после этого произошло все то, о чем я раньше рассказывал — мне предложили перейти в Институт общественных наук при ЦК КПСС, в аспирантуру.

Я перешел со всеми последствиями.

В.А. Кузнецов: В прошлый раз мы дошли до конца 1980^{-х} гг. А как вы вообще отнеслись к перестройке?

К.М. Труевцев: К перестройке я отнесся с энтузиазмом, потому что в 1970 г. я сделал спецкурс для арабов по книге З. Бжезинского «Между двумя веками», и по двум книгам Маклуэна «Understanding Media» и «War and Peace in the Global Village». Вы не представляете, насколько этот спецкурс захватил арабов, до такой степени, что меня направили в Прагу, где обучались народники и демократы, чтобы я читал этот курс им. Потом этот же спецкурс я читал в Комитете солидарности, а там были очень крутые люди — Насриддинова, бывший председатель Президиума Верховного совета Узбекистана многие другие, не говоря уж о самом Дзасохове. Когда они прослушали мой курс, я говорю: «Теперь вы понимаете смысл перестройки? Это Горбачев и молодое поколение попытались отреагировать на те выводы, которые были в книге Бжезинского, о том, что Советский Союз развалится, причем не от недостаточной прочности, а от недостаточной гибкости, потому что эта система неспособна к гибкой перенастройке. Поэтому они пытаются сделать эту перенастройку». Поэтому я

относился ко всему этому положительно, несмотря на глупости с сухим законом — это было обычное советское дело, к этому все привыкли. Еще в 1970 г. я столкнулся с борьбой с алкоголизмом в АПН.

В 1986–87 гг., на мой взгляд, все шло довольно правильно, до тех пор, пока не появился лозунг «Перестройки и ускорения». У меня был знакомый художник Вагрич Бахчанян, он недавно умер в Нью-Йорке. Знаете картину Пластова, где красивая розовая женщина с таким же розовым ребенком моются в бане? Он пририсовал туда маленького карлика с черными ручками, который эту женщину хватает. Нечто подобное произошло, когда появился этот лозунг. Когда меня спросили об этом, я удивился — как они себе это представляли? Перестройка — это ремонт. Как вы можете ремонтировать двигатель и одновременно пытаться его ускорить? Что у вас получится? В результате получилось то, что называли «катастройкой». Вот, примерно так. Где-то начиная с 1988 г. все пошло в развал, и руководство страны никаким образом не могло контролировать ситуацию — мне это стало абсолютно ясно. Уже в 1990 г. в Институте Африки я рисовал на доске модели концепций катастроф. В том числе есть и довольно известная физическая модель, когда человек оказывается на грани вертящейся площадки и при этом любое его действие, как и бездействие, будет равным образом вести к катастрофе. В июле 1990 г. я нарисовал эту схему. Тогда мы со Игорем Следзевским, который был «brain tank» Института Африки, разрабатывали все эти штучки. Это тогда свободно разрешалось, что хочешь, то и пиши.

В.А. Кузнецов: А как вы оказались в демократическом лагере?

К.М. Труевцев: А, я Вам расскажу. 18 августа 1991 г. я вернулся из Лондона. 19 прихожу на работу, там вице-президент этот, Янаев, которого непонятно зачем вытасил Горбачев... Горбачев-то тогда еще имел достаточную остаточную легитимность, а у него она была нулевая.

Я его, кстати, лично знал. Когда он возглавлял Комитет молодежных организаций (1968–1980 гг. — В. Кузнецов), у меня там многие знакомые

работали. Его первый заместитель Валя Лазуткин (*сотрудник сектора Африки, Ближнего и Среднего Востока КМО СССР, затем зав. отделом печати и информации — В. Кузнецов*) попросил перевести устав КМО на арабский язык. Ну, и представлял перевод лично Янаеву. Когда я его тогда первый раз увидел, он на меня произвел ну отвратительнейшее впечатление, какое только может произвести человек. Это просто какое-то чудовище, малообразованное... Про Ельцина еще что-то говорят, еще про кого-то! Но это-то! Да и масштаб совершенно другой.

Так вот, 19 августа я пришел в институт, встретился с Васильевым, тогда он был замдиректора. Он спросил: «Что ты об этом думаешь? Сколько ты им даешь? Я — неделю». Вот, бывают же такие совпадения (я не грешу, что я такой пророк) — я им дал три дня и пошел... И пошел, куда пошел, и оказался у Белого дома и все три дня провел там. А потом, когда были похороны ребят, погибших в ночь с 20 на 21 августа ребят, возникла такая инициативная группа, которая решила создавать союз «Живое кольцо».

В.А. Кузнецов: Расскажите про ночи, которые вы провели у Белого дома. Страшно было?

К.М. Труевцев: Послушайте, я всю жизнь провел на Ближнем Востоке. Меня жена за бороду с крыши вытаскивала, когда в Санае был сплошной обстрел. Как думаете, было мне страшно или нет? Как Вам сказать... Неприятно. Потому что первая ночь была такая — если бы мы все взяли за руки, мы не смогли бы обнять периметр Белого дома. Нас было крайне мало, нас не было и 10 000 человек. Во второй день, после выступлений Шеварнадзе, Яковлева ситуация изменилась. Стали строиться баррикады и все такое прочее. И количество защитников возросло примерно до 20–25 тыс. человек. Это не такое большое количество, что его нельзя было бы преодолеть. Четыре года спустя, в 1995 г., мне моя разведка донесла, что Лебедь поссорился со Скоковым, и мы с Хакамадой попытались перетянуть его в свое «Общее дело», дать ему первое

место. Я поехал на беседу с ним, мы говорили около пяти часов. В частности, он сказал мне следующее: «Я прошел разведкой через весь Белый дом, все просмотрел. Я же профи, ВДВ. Взять это дело ничего не стоило. Это стоило 5 тысяч жертв. Я честно доложил Грачеву, Грачев честно доложил дальше по инстанциям и спросил, хочет ли кто-то брать на себя такую ответственность. Хотите — давайте».

Тем не менее, когда раздались выстрелы, были первые погибшие, было неприятно. Фактически люди готовились к смерти, и я тоже. Дальше произошло то, что произошло.

В.А. Кузнецов: А с Ельциным вы познакомились уже после этого?

К.М. Труевцев: Да, причем довольно скоро. Когда создавали «Живое кольцо», мы встретили Гдляна у входа в Белый дом и обратились к нему. Он говорит, послушайте, общественными организациями у нас занимается Лев Пономарев, я вам пропуск выпишу и пойдете к нему. Мы прошли наверх, там — две смежных комнаты — в одной Лев Пономарев и Глеб Якунин, а в другой Слава Волков, который потом стал заместителем руководителя Администрации президента, и Сережа Юшенков, известный депутат Верховного совета, который потом связался с Березовским. Поехал, привез из Англии документальные фильмы о том, что якобы ФСБ организовывало взрывы в Рязани и в Москве. Все эти четыре человека стали затем моими друзьями, мы постоянно общались. А поскольку Слава Волков быстро выдвинулся как один из лидеров «Демократической России» одновременно Республиканской партии, он меня пригласил и сказал: «Давай вместе будем вести Демократическое собрание». Это уже было в 1992 г. И вот, мы сидим с ним в президиуме вдвоем, а в первом ряду — Ельцин, Гайдар и далее по списку, включая Козырева и так далее.

В.А. Кузнецов: При этом вы продолжали работать в Институте Африки?

К.М. Труевцев: Да. Я там проработал до 1993 г. Я так подозреваю, что, когда произошли события октября 1993 г., у меня там случился разлад. Я должен был стать замдиректора, но вместо меня назначили Леонида Гевелинга. И тот, чувствуя все неудобство положения, стал искать мне спонсоров, даже нашел подработку на 1000 долларов в месяц — тогда это были большие деньги. Но да Бог с ним.

Так вот. В те времена, я, конечно, неоднократно виделся с Гайдаром, и там были всяческие смешные эпизоды. Например, лето 1993 года. Вдруг мне звонит Лева Пономарев говорит: «Немедленно приезжай в Кремль». Я говорю: «А что такое? Филатов собирает народ?». Ну, приехали... Гайдар в джинсах, Козырев в джинсах, Филатов в костюме все-таки, Миша Полторанин. И все, больше никого. Я говорю Льву: «В чем дело?». Он ответил: «Думаю, у Миши Полторанина сегодня ночью была белая горячка, и он решил, что дело пахнет керосином». А в 1993 г. могло полыхнуть в любой день. Поэтому он всех собрал и сказал, что готовится путч. Но тогда еще никакого путча не готовилось, и мы разъехались. Гайдар меня подвез почти до моей дачи, мы с ним разговаривали. Из разговора я понял (и потом не раз в этом убеждался) — если экономист он, конечно, выдающийся, то политик абсолютно никакой, нулевой, он ничего не понимал в политических раскладах, как надо делать политические схемы. Вплоть до того, что в 1993 г. после проигрыша на выборах, он собрал всех сторонников, в том числе и меня, и предложил создать одновременно партию «Выбор России» и движение «Выбор России». Я говорю: «Егор Тимурович, Вы в своем уме вообще?». Он меня за это не любил, потому что я был одним из очень немногих, кто мог откровенно высказывался подобным образом. Я продолжил: «Представьте себе, что вы заведомо делаете раскол в структуре, которую вы создаете. Как так?». Так оно и получилось, эта структура вдребезги разлетелась в течение ближайших двух лет.

Вообще, если взять тот период, политическая и гражданская активность для меня тогда была намного важнее, чем научная какая-то деятельность. Ей я практически в то время не занимался.

В.А. Кузнецов: Давайте вернемся к «Живому кольцу». Что оно собой представляло?

К.М. Труевцев: Это была общественно-политическая организация. Тогда все делалось очень просто — надо было собрать 10 человек из разных регионов России и провести собрание, потом подать в Министерство юстиции и создать общероссийскую общественную организацию, что мы и сделали. В течение двух недель создали. С самого начала у нас было от 3,5 до 4 тыс. человек, цифра колебалась. Не так уж и мало, в том числе и для России этого периода.

В.А. Кузнецов: Кто там еще был среди лидеров?

К.М. Труевцев: Еще был Коля Тестин — собственно говоря, создатель «Живого кольца», автор идеи, парень, которого часто заносило. Мы все время пытались найти баланс между демократией и патриотизмом, и из-за этого ссорились с ДемРоссией. Например, я с первого дня поддержал чеченскую кампанию, единственный из лидеров демократических организаций. Не потому, что мне все нравилось. Мы с сенатором Иссой Костоевым (*в 1992–1993 гг. — полномочный представитель Президента России в республике Ингушетия — В. Кузнецов*) — тем, который брал Чикатило — написали личное письмо Ельцину. Он не мог пробить, я пробил, чтобы до Ельцина оно дошло. Мы откровенно писали о том, что надо сделать все, чтобы войны не допустить. Это было за неделю до ее начала.

Я недавно читал воспоминания Степашина, он писал о голосовании в Совете безопасности по поводу чеченской войны, «за» проголосовали все, включая Примакова, Козырева и т. д., в том числе и он сам. Причем это было на основе дискуссии. Поэтому я посчитал, что моя позиция правильная. Потому что прошел год, демократы в очередной раз с треском проиграли выборы коммунистам. При этом вдрызг разругались с Ельциным. Я им говорил потом, в

том числе Леве Пономареву: «Разругались. Что дальше?». Он ответил: «Мы будем ставить либо на Немцова, либо на Черномырдина». Я сказал: «Попробуйте». В это время у меня был приятель — министр юстиции России Ковалев, небезызвестный. Я ему сказал: «Послушайте, я вам сделаю аналитическую записку, в которой попытаюсь показать, каков расклад перед президентскими выборами». Я разделил весь электорат на четыре основные колонки по лейблам: коммунисты, демократы, патриоты, центристы. Как Вы понимаете, это условное деление, но по лейблам иногда делить очень рационально. В записке я показал, что Зюганов идет на опережение, но у него не хватает и не хватит сил, чтобы достичь потолка в 50%, если только ему не удастся привлечь значительную часть патриотического электората, потому что у него самого 33%, плюс 15-17% патриотов. Да, тогда можно выиграть. Остальной расклад. Начинаем считать. Самый большой электорат — центристский, но он и самый дисперсный, потому что там четырнадцать или пятнадцать организаций. Второй по дисперсности — демократический. Черномырдин не может контролировать весь свой центристский спектр. Тем более он не смог бы объединить центристов и демократов, потому что многие демократы будут против. По той же причине многие патриоты за ним бы не пошли. Теперь Боря Немцов — там электорат совсем маленький. Он и демократический электорат не смог бы объединить, а тем более за ним бы не пошли центристы, из-за идиосинкразии к нему, и уж тем более патриоты. Единственная фигура, объединяющая потоки — это Ельцин, как бы к нему не относились.

Это начало 1996 г., февраль. Эту записку, судя по всему, приняли к сведению, потому что буквально через месяц меня пригласили в штаб Ельцина на участие в выборах.

В.А. Кузнецов: Есть еще один эпизод, который мы не проговорили. Это октябрь 1993 г.

К.М. Труевцев: А что там? Тогда я оказался в Дании, Англии и Швеции. Из Англии у меня была возможность прямого звонка в Москву — мой друг там работал замглавного редактора «Аль-Хайят». Я позвонил своему заместителю: «Чего там происходит?» — «Буча идет, приезжай немедленно». Я не видел в этом смысла, так как соотношение сил было такое, что президентская гвардия задавила бы все. Потом Лев Пономарев тоже вызвал меня. Я думал, что они паникуют.

Я ехал из Англии в Данию, где я остановился в доме одного из самых крутых датских адвокатов. Он был правым, защитником частного бизнеса. Я жил в его доме под Копенгагеном, и когда я прилетел, он сказал: «Включи телевизор, посмотри, что у вас в России происходит». Я включил и схватился за голову, конечно, потому что — кошмар. Тем не менее, я прилетел в Москву только неделю спустя. Это могло негативно сказаться на моей репутации. Первым делом я пошел к Мише Полторанину, к Бурбулису поговорить. Так получилось, что они во всем этом сыграли ключевую роль, потому что Борис Николаевич был в невменяемом состоянии. Пил. Они его растолкали, привезли в Кремль и заставили принять решение. Он обратился к министру внутренних дел, тот слинял — милиции на улицах вообще не было в Москве. Он обратился к Грачеву — тот тоже почти слинял. Тогда они позвонили генералу в Кантемировскую дивизию и тот привел танки, они ударили по Белому дому, на этом история и закончилась за исключением некоторых эпизодов, которые до сих пор по-настоящему не разобраны.

Первый эпизод — кто стрелял по безоружным людям? Никакого указания на то, что стреляли люди, связанные с администрацией президента, нет. Нет доказательств и того, что они были связаны с коммунистами и прочими радикалами. Откуда взялась эта шобла — сказать трудно, никто этого не расследовал.

Второй эпизод — это Останкино, где защитнику Останкино вменяется то, что он отдал приказ стрелять по наступающим. Я по этому поводу тоже выступал: «Послушайте, нужно себя поставить на место этого человека, он защищает себя,

ведущую телестудию страны. Врывается внутрь грузовик и начинает стрелять. Что бы вы делали, уважаемые господа, в ответ? Я бы лично отдал приказ немедленно стрелять, что он и сделал». Этот эпизод тоже остался не раскрытым.

Вопреки тому, что, например, говорит Володя Соловьев, я убежден в следующем. Послушайте, что нес генерал Руцкой и Хасбулатов во время событий. В особенности Руцкой, который сказал, что нужно идти на Кремль, поднять самолеты и бомбить Кремль. Это абсолютный майдан был бы, если бы эти люди пришли к власти. Тем более что все они грызлись, как пауки в банке. Хасбулатов и Руцкой друг друга терпеть не могли. Их объединяло только кое-что, включая коммерческую деятельность в банке «Возрождение». Ачалов, который руководил у них оперативной деятельностью — вообще экстремист, по сравнению с которым Руцкой просто ангел.

В.А. Кузнецов: События 1993 г., при всех недостатках проигравшей стороны — разве они не были шагом в сторону авторитаризма?

К.М. Труевцев: Я об этом писал – в том числе в серебристой книжке³⁷. На самом деле, что касается авторитаризма, социологические исследования показывали, что количество требующих авторитаризма от Ельцина зашкаливало, причем к осени еще больше. Что делает Ельцин? Он побеждает в этих октябрьских событиях, но через месяц объявляет выборы и создание конституции. И выборы приводят, во-первых, к мультипартийности, чего никогда не было в России. Она впервые появилась только в 1993 г. Причем партии слабые, а партийная система очень четко выражена — весь этот четырехполосный электорат в ней отчетливо представлен. Во-вторых, да, сверхпрезидентская республика — это крен в сторону авторитаризма. Но, извините, посмотрите, откуда взята эта модель. Целиком от Франции. Это модель де Голля. Возникает вопрос — это было установлением авторитаризма во Франции или нет? Или это

³⁷ Труевцев К.М. Партитура для парламента и партия президента. Закономерности развития многопартийности и избирательного процесса в России. М., 2001.

демократия с сильными элементами авторитаризма — когда президент поднимается над всей политической системой и становится как бы квази-монархом? Что происходит дальше? Работают ли демократические инструменты или нет? Я приводил целый ряд примеров — когда Ельцин принимал решение, например, о реституции российских художественных ценностей в сторону Германии. Дума большинством в две трети голосов преодолела вето президента. Это элемент демократии или авторитаризма? Наконец, поворот в сторону импичмента Ельцина и т. д. Другое дело — удался он или не удался. Но все эти элементы развития политической системы говорят о том, что хоть элемент авторитаризма был довольно сильным, он был заложен в конституцию, но не менее сильными были и элементы демократии. Несмотря даже на все изменения, которые сейчас произошли, эти заложенные элементы демократии все равно продолжают существовать. Прежде всего многопартийность. Как бы то ни было, а электорат все равно будет голосовать не по единому списку, а за разные партии. Другое дело, что, у политической элиты есть возможность это снивелировать и довести до полного консенсуса между партиями. Но Вы посмотрите на демократические страны Европы — разве там не так? У политической элиты оказывается достаточно много инструментов для того, чтобы нивелировать то, что она считает опасным, при том, что ее действия всегда вызывают вопросы по поводу их демократичности. Так что для меня это неоднозначный вопрос.

В.А. Кузнецов: Мы почти подошли в 1996 г., но еще один вопрос о начале 1990^{-х} гг. Как вы отнеслись к экономическим реформам?

К.М. Труевцев: Думаю, что истина здесь в деталях. Когда приходит к власти Гайдар и видит, что в казне денег нет, что ему делать? Мы в Москве с подачи мэра Г. Попова уже в руках держали талоны на продукты. Что лучше — схема Попова или Гайдара — я не могу точно ответить. Хотя гайдаровская схема в моменте привела к обрушению положения людей, и критики Гайдара довольно справедливо писали о том, что он попытался ввести конкуренцию на рынке, имея

при этом абсолютно не диверсифицированную промышленность и экономику, которая не была конкурентной. Поэтому подобная реформа была обречена на провал. Что касается ваучеров, да, это был обман, я это на своей шкуре почувствовал. Что преследовал Чубайс? Он не пытался поднять уровень жизни населения, он хотел создать лояльную часть экономического класса, которая бы поддержала Ельцина. И это делалось довольно успешно, я в этом принимал участие. Когда я приводил людей к Гайдару, они переходили из когорты красных директоров в его когорту приватизируемых предприятий. Этот процесс происходил совсем иначе, чем его пытаются нарисовать.

Приватизация по Чубайсу была скверной. А приватизация по Лужкову, о которой мало говорят?

Когда я в 1993 г. пришел к Лужкову, который тогда был и.о. мэра, с контр-адмиралом Усовым, он начал материться на своих помощников, а потом сказал: «Я вас слушаю». Контр-адмирал ему сказал: «Вы, пожалуйста, успокойтесь, перестаньте материться, с уважением относитесь к своему окружению, тогда мы с вами начнем говорить». Лужков сразу успокоился, и мы с ним начали обсуждать многие вещи. Он моментально согласился, например, на мое предложение кандидатуры начальника Замоскворечья. Он при мне подписал назначение. И целый ряд других вещей. А потом, примерно через две недели, нас приглашает один его клеврет и говорит: «Лужков хочет, чтобы вы стали его командой на президентских выборах 1996 г.». Я сказал: «Он что, с ума сошел? Он никогда не станет президентом России». Я, надо сказать, не всегда соображаю, что говорю. Мне потом некоторые говорили — надо было денег взять, а потом его кинуть. Ну, люди простые в этом отношении. Он мне предложил две структуры — Мосинжстрой и Москомстрой, где было просто немерено денег, и одновременно мне предложили стать вице-премьером правительства Москвы, курирующим политические партии и общественные организации. Представляете, какой букет предложений? Но после того, как я высказал скепсис, все эти вещи тут же оборвались. Кстати, что это были за организации — Мосинжстрой и Москомстрой? Они легли в основу группы «Мост» Гусинского, и деньги, которые

к нему пришли, были из этих двух организаций. Это были государственные структуры, и так сделать, чтобы они из государственных перетекли в частную лавочку — это приватизация по Лужкову.

Залоговые аукционы — то же самое, просто там другая схема. А здесь схема прямая — переложили деньги из кармана в карман.

В.А. Кузнецов: В прошлый раз мы с вами дошли до 1995–96 гг., до президентских выборов.

К.М. Труевцев: Когда оказался в ельцинском штабе, там каждый надувал щеки, задирает нос. А я опирался на реальные демократические структуры на местах, поэтому когда они заявляли, что, вот, в Тульской области Ельцин победит с 70%, я прямо им говорил: вранье — это губернатор Севрюгин специально натягивает цифры. Кончилось это тем, что в этом регионе Ельцин получил всего 30%, а Севрюгина под белые ручки и в тюрьму. Да потому что он коррупционер был жуткий, любой ценой пытался сохранить свою должность, чтобы наживаться и дальше. А на самом деле как было там засилье сельхозников Стародубцевых, которые ГКЧП поддержали, так и осталось. Так что в Тульской области мы проиграли. Но на самом деле, когда стали считать голоса, мне так и сказали: «Мы же проигрываем». Я говорю: «Пошлите меня в Ростов и в Краснодар между первым и вторым туром». В Ростовской области у меня были сильные позиции как среди демобщественности (к тому же у меня в Ростове родственники), так и среди казаков. Я ведь принимал участие в возрождении казачества как такового и не особо обращал внимание, кто там был бандит, не бандит. Хотя, конечно, уголовники среди казаков были. В те времена они были в любом демократическом движении — семь пар чистых — семь пар нечистых.

Я приехал в Ростов и говорю: «Что ж вы, собаки, творите? Вы в первом туре проиграли 8% Зюганову». Мы организовали штабы по всей области, все такое прочее. Выиграли 7% во втором туре. Дальше я поехал в Краснодарский край,

там председателем совета казаков был мой нареченный брат Витя Нагай. Он заставил меня ждать два или три дня. Я одернул его: «Ты чего выпендриваешься? Нужно делом заниматься, а не показывать свои великие потенции. Поехали по краю». Мы поехали по казачьим станицам, они же совхозы, колхозы. Приезжаем, сели за полевой стан, я говорю: «Казаки, вы с ума сошли за коммунистов голосовать?!». Они ответили: «Они же за народ». «Какой еще “за народ”? Рассказывайте, как вы голосовали». Казаки рассказали: «А очень просто. Приезжал коммунистический активист, забирал все наши паспорта, и потом мы голосовали». Я поразился: «И вам это нравится? Вы такую страну хотите строить?». В общем, они устыдились — казаки вообще очень бывают стыдливые. Я говорю тогда: «Ну-ка давайте, сейчас будет второй тур. Собирайте паспорта, пусть атаман каждой станицы лично этим делом занимается». Значит, вот результаты второго тура. В первом — минус 13% у Ельцина было. Во втором — минус 5%. Представьте себе, сколько отыграли. Если бы изначально, как я говорил Филатову, Чубайсу, если бы мне изначально дали на откуп все это дело, результат был бы совершенно другой. Тем не менее, какой бы ни был результат, Зюганов все равно стал кричать, что выборы сфальсифицированы. В штаб в ужасе пришел Филатов: «Он доказывает, что была фальсификация». Я ответил: «Каким образом?». «Вот в Татарстане первый тур против Ельцина, а второй — за. Как же так? Значит, их заставили голосовать?». Я говорю: «А если подумать — а может, в первом заставили против голосовать? Да и ссылка на Татарстан, где всем командует известно кто, совершенно неадекватна». А в штабе Зюганова было довольно много моих знакомых, и под конец у них началась паника. Вот так примерно выглядели выборы.

Да, в конечном итоге мы победили.

Там было еще много всяких приемов. Зюганов пытался сделать кемеровского губернатора Тулеева спарринг-партнером. А Ельцин сделал очень сильный ход — он сделал Лебеда главой Администрации президента³⁸. И,

³⁸ Константин Михайлович заблуждается, 18 июня 1996 г. генерал Лебедь был назначен секретарем Совета безопасности РФ «с особыми полномочиями» и помощником президента РФ по национальной безопасности.

конечно, в результате была выиграна значительная часть патриотического электората. Поэтому я считаю, что его победа была абсолютно честной. А кулаками после драки махать можно сколько угодно.

Вот каким образом выглядели выборы 1996 г.

А дальше начались проблемы. Почему? Потому что стало ясно, что электоральный ресурс находится не в центре, не в президентской администрации. Потом, после прихода к власти Путина, они это наладили. А до этого, если посчитать — куда стекались результаты выборов по регионам? Правильно, в избирательную комиссию соответствующего субъекта Федерации. Эта комиссия субъекта Федерации и обладала основным ресурсом. Следовательно, они начинали соображать, что губернатор может контролировать законодательное собрание и получает еще два голоса в Совете Федерации. Каждый губернатор обладает абсолютной властью у себя в области, плюс к этому он становится сенатором и получает неприкосновенность, никто его не может тронуть даже за убийство — случаи-то были. К 1999 г. Ельцин начал это понимать очень хорошо, и тогда он стал пытаться рвать эту систему таким образом, чтобы больше не состыковывать абсолютную власть в регионе с неприкосновенностью на уровне федерального центра. Собственно говоря, вся интрига последних двух лет правления Ельцина в конечном счете заключалась в этом. Но, что интересно, тогда губернаторы стали создавать политические партии под себя, например, Лужков с Яковлевым создали объединение «Отечество», Шаймиев — объединение «Вся Россия». Потом они объединились между собой и образовалась мощнейшая политическая партия, имеющая все в регионах. Стали искать альтернативу, например, Константин Титов пытался создать «Голос России» и т. д. Когда мы с коллегами начали прощупывать все это дело, я сказал: «Получается так. У них примерно от 30 до 40% голосов. Еще сколько-то будет у административного ресурса. Но чего ждет электорат? Какой образ для России важнее? Не образ парламента, а образ президента. Это важно». И тут появился Примаков — человек сильный, связанный со спецслужбами, с сильным голосом, готовящийся проводить самостоятельную политику, яркую — как он самолет над

Атлантикой развернул. Его рейтинг рос по экспоненте. Потом — «Не так сели» — Ельцин посчитал Примакова опасным, и не без оснований. Тогда он выдвинул на его замену своего в доску человека, Степашина. Но буквально через две недели рост его популярности начинает напоминать примаковский. Но Степашин оказался слабым, не проявил должной решительности в ситуации в Дагестане. И тут, надо отдать должное, Ельцин искал-искал и нашел Путина. Он же его нашел, а не кто-то там. Это был не Березовский или кто-то еще, это был именно Ельцин. Он знал, кого вытаскивает из колоды, ведь Путин возглавлял госбезопасность. Тут произошло то же самое — рост рейтинга по экспоненте. И я сказал коллегам: «Вот, все уже сформировано». Более того, я заметил, что под это очень по-умному была сформирована партия «Единство». У нее было три медийных лица, три борца. Первым был Шойгу — единственный на тот момент успешный борец с негативными явлениями. Вторым — Карелин, известный спортсмен, чемпион мира по борьбе. Третья фигура — генерал МВД Гуров, который написал про советскую мафию книги «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул». Из этих трех человек сформировалось руководство партии «Единство», и оно выступило за Путина. Я к этому отношения никакого не имел, но мне было ясно, куда идет дело.

Ну вот и все. На этом мы закончим сегодня.

Стоп.